

*Посвящается Раиель, Ребекке,
Лоре, Хейди и Шарон –
моим реальным «двухнедельничным»
подругам*

Итак, я навещала по очереди своих друзей, пытаясь открыть неуверенными движениями пальцев их драгоценные, запертые на ключ вместилища. Я переезжала от одного к другому, привозя с собою на их суд свою скорбь — нет, даже не скорбь, пожалуй, а непостижимую природу нашего существования. Кто-то ходит к священнику, другой обращается к поэзии, а я — к своим друзьям...

Вирджиния Вулф, «Волны»

■ — Отбытие — ■

Вот вам дилемма: вы стоите на движущейся дорожке в аэропорту, а мимо в другую сторону проплывает женщина с матерчатой сумкой из книжного магазина, и вы вдруг видите на ней часть фразы, ставшей предметом ваших многомесячных размышлений. Так сколько времени уйдет на то, чтобы додумать эту фразу до конца? У вас нет полетных миль, зато имеется в запасе много дней оплачиваемого отпуска, и вот вы катите за собой чемодан по имени Грендель.

Лучший друг — это...

Сумка была синяя, а шрифт — белым. Я предположила, что фраза заканчивается на другой стороне сумки, прижатой к пышным бедрам хозяйки, и мне было важно ее прочитать. Я летела к своей подруге Линди, с которой мы не виделись несколько лет. И уж коль у меня есть близкий друг, но я в этом не уверена, — значит, надо повидаться.

Я могла бы сказать сейчас, как развернулась и побежала по движущейся дорожке в обратную сторону, чтобы сравняться с той женщиной и дочитать фразу,

но это сильно смахивало бы на кино. То есть я хочу сказать, что в кино подобные ситуации развиваются, а в жизни – нет.

Дорожка заканчивалась, я оглянулась, чуть не упав и не сбив с ног мамашу с ребенком в прогулочной коляске. Я извинилась, она покрыла меня (надеюсь, ребенок ее был глухим) матом, и я откатила чемодан в сторону от людского потока.

Пахло кофе, духами и немного хлоркой. Атмосфера аэропорта была почти летней, что контрастировало с серым декабрьским небом, заглядывающим сквозь стеклянный потолок. Хозяйка матерчатой сумки была крепко сбитой, в легинсах и свитере с рождественским орнаментом, и она быстро удалялась прочь. В одной руке у нее был сотовый, по которому она разговаривала, в другой – кофе, и ее немного заносило в сторону, потому что сумка все время соскальзывала с плеча. Мне почти сорок, я в хорошей форме благодаря профессии садовника, и мне бы ничего не стоило догнать ее.

Но мне было бы трудно объяснить той женщине, почему мне так важно прочитать продолжение фразы. А что, если это какая-нибудь рекламная чушь? Вроде «Лучший друг – это... тот, кто подарит тебе секатор фирмы *Gardenite*».

Или «Лучший друг – это... тот, кто сделал себе прививку от гриппа».

Пока я раздумывала над другими, еще более дурацкими вариантами, передо мною возникла маленькая девочка с высокими хвостиками в красных бантах.

– Простите, пожалуйста, – сказала она очень серьезно. Большинство взрослых детям улыбается, что вовсе необязательно. Дети ценят серьезное к себе отношение.

– Слушаю тебя, – сказала я.

– Простите, пожалуйста, – повторила она.

– Ну, говори, – подбодрила я.

Но она обернулась на женщину, стоящую в очереди в комнату матери и ребенка. Женщина пыталась утихомирить младенца, брыкающегося в надетой спереди кенгурушке: она нахмурилась и махнула рукой, словно настаивая на чем-то.

Девочка снова повернулась ко мне:

– Пожалуйста, я хочу пить.

Я взглянула через плечо и отодвинулась в сторону, освобождая путь к питьевому фонтанчику, а женщина с матерчатой сумкой уже исчезла.

Мне несвойственно гоняться за истинами, начертанными на чужих сумках, но у меня и весь год был не совсем чтобы обычным.

Вот вам несколько переменных. Рассмотрим слово *visit*. Оно происходит от старофранцузского *visiter*, что означает «причинять, проверять». То есть ты можешь *visit* своего соседа или друга, но то же самое делают морская язва или чума.

Или *travel*. Это от староанглийского *travailen*, что изначально подразумевало «работать, мучить».

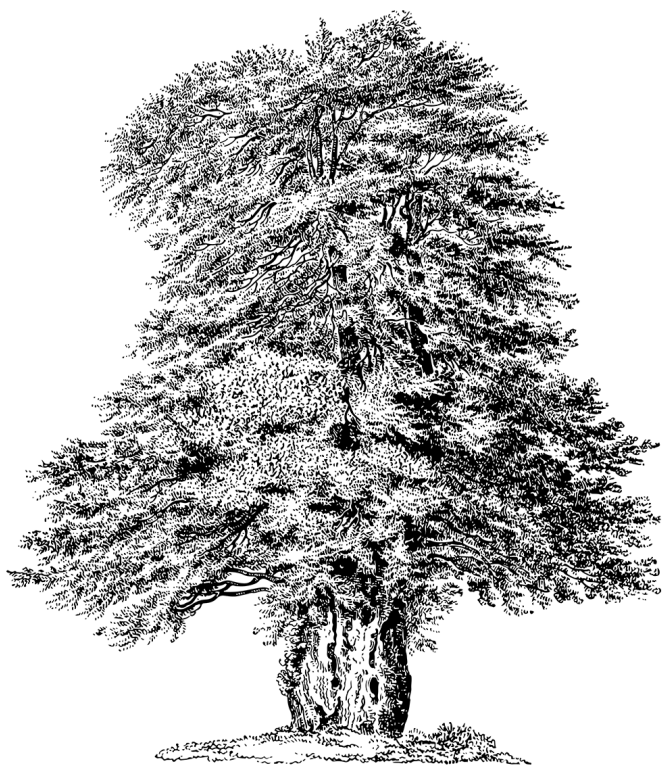
То есть путешествие с целью навестить друзей не стоит воспринимать так уж буквально. И я не просто так назвала свой чемодан в честь первого описанного в английской литературе чудовища. В «Беовульф»¹ это чудовище приходит с вересковых пустошей к дому Хелороту, желая послушать звуки дружеского пиршества. Стоит ли говорить, что я немного представляю его чувства? Я, конечно, вряд ли кого-то съем, но ведь трансформации не всегда связаны с физическим насилием или превращением.

О Муза, я славу пою женщине и гостеванию.

---

¹ «Беовульф» — англосаксонская эпическая поэма. (Здесь и далее прим. перев.)

Тисовое дерево (Taxus baccata)

Часть I

■ — На перепутье — ■

На сороковом году жизни я оказалась в положении, когда прошлое и все, что в нем есть, начало перевешивать будущее, и в моем мозгу роилось столько всего сказанного и несказанного, совершенного и несовершенного, что я уже просто не знала, как жить дальше. Меня отбрасывало назад, лишая почвы под ногами, и я понимала, отчего все это. Жизнь казалась столь длинной, что было трудно представить, как другие не ломаются под таким грузом.

Лекарства помогли, но ненадолго. Помню только, что на несколько месяцев получила приятное чувство настоящего. В этот период я побывала в Вашингтоне на конференции по ландшафту и с благодарностью вспоминаю неожиданную легкость по утрам. Очертания реальности перестали расплываться. Прекрасны были не только деревья, восход солнца или цветение декоративной капусты (род *Brassica*), посаженной по всему городу, но даже тюбик зубной пасты и баночки с кремами для лица.